

Д. Б. Шелов

ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И МИТРИДАТ ЕВПАТОР

В истории античных городов Северного Причерноморья очень важным был период последних лет II и первых десятилетий I в. до н. э., когда все эти города впервые оказались объединенными в границах одного политического организма, войдя в состав всепонтийской державы Митридата Евпатора. Подчинение северочерноморских городов власти Митридата не может вызывать сомнения; но ни хронологические рамки этого подчинения, ни его характер, ни положение городов в государстве Митридата, ни отношение городов к царской власти не освещаются прямо нашими источниками, и для ответа на эти вопросы приходится производить сопоставление косвенных данных. Этой задаче и посвящена настоящая статья.

Прежде всего подлежит выяснению вопрос о времени нахождения северо-понтийских городов под властью Митридата Евпатора. Проще всего этот вопрос решается в отношении Херсонеса и его владений. Страбон и херсонесский декрет в честь Диофанта достаточно ясно и подробно говорят об обстоятельствах и времени перехода Херсонеса под власть Митридата¹. Это событие согласно датируется всеми 110 г. до н. э.² Несколькими годами позже, после подавления Диофантом восстания Савмака на Боспоре понтийский царь утверждает свое господство и над городами этого района. Колебание даты в один-два года значения не имеет³. Что касается верхней хронологической границы владычества Митридата над Боспором и Херсонесом, то тут письменные источники согласно свидетельствуют, что это владычество продолжалось до 63 г. до н. э., до восстания, поднятого против власти Митридата по инициативе Фанагории⁴.

Гораздо сложнее определить время подчинения Митридату Ольвии. Существует только одно прямое свидетельство этого подчинения — ольвийский декрет в честь амисского капитана. Если М. И. Ростовцев относил этот декрет к последним годам царствования Митридата Евпатора, то позднее он был убедительно передатирован и отнесен к последним годам II или к первым десятилетиям I в. до н. э.⁵ А поскольку в декрете

¹ *Strabo*, VII, 3, 17; 4, 3, 7; *IOSPE*, I², 352.

² *Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1949, с. 93, прим. 2.

³ Там же, с. 94—101; *Гайдужевич В. Ф.* Боспорское царство. М., 1949, с. 301—304; *Молев Е. А.* Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре.— В сб.: *Античный мир и археология*, 2. Саратов, 1974, с. 60—72; он же. Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 39—47.

⁴ *App.*, *Mithr.* 108; *Oros.*, VI, 5, 1.

⁵ *IOSPE*, I², 35; *Ростовцев М. И.* Митридат Понтийский и Ольвия.— *ИАК*, 23, 1907, с. 23—27; *Wilhelm A. König Mithradates Eupator und Olbia.*— *Klio*, XXIX, 1936, S. 50—59; *Жебелев С. А.* Ольвия и Митридат Евпатор (*IOSPE*, I², 35).— *СП*, с. 275—290; *Молев.* Митридат Евпатор, с. 50—53.

упоминается уже расквартированный в Ольвии или ее окрестностях понтийский гарнизон, очевидно, и переход Ольвии под власть понтийского царя должен был произойти не позднее этого времени. Такому заключению соответствуют и нумизматические данные: обилие в Ольвии находок понтийских медных монет сравнительно ранних митридатовских выпусков (111—90 гг. до н. э.)⁶. Еще менее точные, но все же довольно выразительные косвенные свидетельства говорят о том, что и Тира вошла в орбиту митридатовского влияния примерно в это же время⁷. Что касается продолжительности зависимости Ольвии и Тиры от власти понтийского царя, то прямых данных об этом нет. М. И. Ростовцев, В. Д. Блаватский и П. О. Карышковский думали, что Ольвия принадлежала Митридату до самой гибели царя⁸. То же предполагал А. Н. Зограф в отношении Тиры⁹. Однако кажется крайне маловероятным, чтобы Митридат мог удерживать свои владения в Северо-Западном Причерноморье в последние годы своего правления, после ряда поражений, которые он претерпел в Малой Азии от П. Лукулла, после подчинения проконсулом Македонии М. Лукуллом городов западного побережья Понта, а главное, после того как римский флот стал безраздельным хозяином на Черном море, т. е. примерно после 71—70 гг. до н. э. Следует думать, что именно в это время Ольвия и Тира должны были выйти из подчинения понтийскому царю. Это предположение выиграет в убедительности, если вспомнить, что среди нумизматических находок в этих городах почти совсем не представлена понтийская медь конца правления Митридата VI, обильно встречающаяся в Херсонесе и на Боспоре¹⁰.

Переход северочерноморских городов под власть понтийского царя, очевидно, соответствовал интересам господствующих слоев населения этих полисов, так как, с одной стороны, обеспечивал городам защиту от усиливающегося нажима окружающих варваров, а с другой, способствовал укреплению связей городской экономики с понтийской торговлей. Хорошо известно, что Херсонес сам обратился к Митридату Евпатору за помощью против скифов и отдался под его покровительство¹¹. Этому предшествовали переговоры между Херсонесом и послом Митридата, вероятно предпринятые по инициативе последнего, но вполне удовлетворившие херсонеситов, наградивших посла почетным декретом о проксении¹². Может быть, уже во время этого посольства была достигнута принципиальная договоренность об оказании Херсонесу помощи в случае необходимости и об установлении зависимости города от понтийского царя. Граждане Херсонеса, оказавшись в подчинении у Митридата, включаются в осуществление его политики, в частности, участвуют в подавлении восстания Савмака на Боспоре, о чем повествует декрет в честь Диофанта¹³. Сам панегирический тон этого декрета говорит о том, как существенно было для херсонеситов покровительство понтийского владыки.

Можно предполагать, что и Ольвия, теснимая варварами, вынуждена

⁶ Зограф А. Н. Находки понтийских монет митридатовского времени в Ольвии. — В кн.: Ольвия, I, Киев, 1940, с. 293 сл.; Карышковский П. О. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э. — ИЭ, V, 1965, с. 63—67.

⁷ Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор. — ВДИ, 1962, № 2, с. 95—102.

⁸ Ростовцев. Митридат Понтийский и Ольвия, с. 24; Блаватский В. Д. Северопонтийские города в конце II—I в. до н. э. — ВМУ, сер. общественных наук, 1949, № 7, с. 56; Карышковский. Денежное обращение Ольвии..., с. 70 сл.

⁹ Зограф А. Н. Античные монеты. М., 1951, с. 114; ср. он же. Монеты Тиры. М., 1957, с. 30.

¹⁰ Карышковский. Денежное обращение Ольвии..., с. 64 сл.; Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. — ВДИ, 1964, № 4, с. 59—61.

¹¹ Strabo, VII, 4, 3.

¹² IOSPE, I², 349; НЭИХ, II, 110.

¹³ IOSPE, I², 352.

была, вслед за Херсонесом, прибегнуть к помощи Митридата¹⁴. Отчаянное военное положение Ольвии в это время достаточно отчетливо засвидетельствовано надписью в честь Никерата, сына Папия¹⁵, и обращение ольвиополитов к Митридату в такой обстановке вполне вероятно. Его помощь выразилась в расквартировании в Ольвии и ее округе понтийского гарнизона, о существовании которого мы узнаем из ольвийской надписи в честь амисского капитана. Из текста надписи следует, что какое-то время спустя после размещения в Ольвии понтийского гарнизона ольвийские послы были в Синопе и просили царя усилить помощь, в результате чего в Ольвию был отправлен новый контингент воинов «армянцев» под командованием амисского капитана¹⁶. Декрет выражает признательность ольвиополитов отважному кибернету и их радость по поводу прибытия в город очередной «помощи» от понтийского царя. Радость эта была столь велика, что самый день принятия почетного декрета был объявлен праздничным днем. Таким образом, можно утверждать, что господствующие слои Ольвии, так же как и руководители Херсонеса, с удовлетворением восприняли переход города под опеку Митридата Евпатора. В отношении Тиры у нас нет эпиграфических свидетельств, но некоторые типологические мотивы монетного дела Тиры начала I в. до н. э. позволяют догадываться, что и этот город не только находился в сфере влияния понтийского царя, но и в какой-то степени поддерживал объединительную всепонтийскую политику Митридата Евпатора¹⁷.

Наши источники ничего не сообщают об отношении боспорских городов к установлению власти Митридата Евпатора над Боспором. Даже косвенные данные не могут быть привлечены для решения этого вопроса. Тем не менее в литературе высказывались по этому поводу разные мнения, основывающиеся главным образом на попытках реконструировать позицию городов во время восстания Савмака. Так, К. Брандис полагал, что на Боспоре существовали две партии, одна из них была представлена городским населением и придерживалась промитридатовской ориентации, другая выражала интересы сельского скифского населения и выступала против перехода Боспора под власть Митридата, она-то и организовала восстание Савмака¹⁸. Возражая против этой точки зрения и подчеркивая социальный аспект восстания Савмака, С. А. Жебелев указывал, что «боспорские господа» должны были сочувственно отнестись к передаче Перисадам власти Митридату, а боспорские рабы — враждебно¹⁹. Но поскольку С. А. Жебелев в то же время считал (конечно, совершенно ошибочно), что население боспорских городов состояло из господ, а население деревень — из рабов, то из его положений можно сделать тот же вывод, к которому пришел К. Брандис.

С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой города европейской части Боспора были основными центрами антимитридатовского движения. В декрете в честь Диофанта упоминается о том, что понтийский полководец при подавлении восстания Савмака занял города Феодосию и Пантикапей. В. Ф. Гайдукевич и В. В. Струве усмотрели в этом упоминании свидетельство того, что эти города были основными очагами восстания, хотя такое заключение нельзя признать достаточно корректным. Эти исследователи указывали, что именно в больших городах были сосредоточены массы рабов, составлявшие, по их мнению, основную движущую силу восстания²⁰. В более поздних работах В. Ф. Гай-

¹⁴ Жебелев. Ольвия и Митридат Евпатор, с. 285—287, прим. 5; Молев. Митридат Евпатор, с. 49—51.

¹⁵ IOSPE, I², 34.

¹⁶ IOSPE, I², 352; Жебелев. Ольвия и Митридат Евпатор, с. 285 сл.

¹⁷ Молев. Тира и Митридат Евпатор, с. 100.

¹⁸ Brandis. Восток (3). — RE, III, 1899. Sp. 774.

¹⁹ Жебелев. Последний Перисад..., с. 102.

²⁰ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 304; Струве В. В. Восстание Савмака. — ВДИ, 1950, № 3, с. 33.

дукевича, посвященных восстанию Савмака, в которых он отказывается от трактовки восстания как исключительно или преимущественно рабско-го, о Пантикапее и Феодосии как о центрах восстания речи уже нет²¹.

Еще дальше в отношении толкования краткого упоминания беспорочных городов в херсонесском декрете идет Е. А. Молев. Он не сомневается в том, что Диофант должен был последовательно отвоевывать у повстанцев Феодосию и Пантикапей, причем эта борьба стоила ему немалых потерь: «Пантикапей был взят штурмом после ожесточенного сопротивления и гибели основной массы защитников». Отсюда следует вывод, что большинство свободного населения городов Европейского Боспора и даже торговые слои их либо поддерживали савмаковское антимиридатовское движение, либо по крайней мере были нейтральны. В то же время Е. А. Молев предполагает, что антипонтийские элементы на Боспоре могли в экономическом отношении опираться на города азиатской части страны²².

Все эти построения достаточно произвольны. Они базируются только на более или менее вероятных логических заключениях, никак не подтверждаемых источниками. Из декрета в честь Диофанта нельзя извлечь более того, что в нем говорится, а именно, что Диофант завладел городами Феодосией и Пантикапеем (*Φεοδοσίαν καὶ Παντικαπείον παρέλαβε*). Употребленный в тексте глагол *παρέλαβε*, строго говоря, не позволяет даже определить, каким образом это произошло, так как он имеет много значений: брать (не обязательно силой), захватывать, принимать, привлекать, даже получать по наследству и т. д. Характерно, что в той же фразе декрета тот же глагол применен еще раз совсем в другом смысле, когда говорится, что Диофант взял с собой херсонесских воинов. И хотя следует полагать, что в декрете действительно говорится о захвате двух боспорских городов военной силой, это все же не дает оснований для конструирования далеко идущих выводов об упорном сопротивлении населения этих городов полководцу Митридату²³.

Подходя критически к интерпретации известных нам фактов, мы должны будем признать, что у нас нет никаких данных для определения позиции городов Боспора в вопросе о переходе Боспора под власть понтийского царя. Скорее всего, подобно другим северопонтийским и западнопонтийским центрам, они должны были охотно принять покровительство Митридата, обеспечивающее им спокойное развитие в рамках единого всепонтийского государства. Но все же дальше предположений в этой области идти нельзя.

О статусе северпричерноморских городов в составе державы Митридата Евпатора позволяют судить как немногие свидетельства древних авторов, так и эпиграфические и нумизматические данные. Страбон сообщает, что Херсонес отдался под покровительство Митридата, объявив его своим протатом (*προστάτην ἐλέσθαι*). Это означает, что город сохранил свое полисное устройство, внутреннее самоуправление и демократические институты, войдя в состав государства Митридата на правах авто-

²¹ Гайдукевич В. Ф. Еще о восстании Савмака. — ВДИ, 1962, № 1, он же. О скифском восстании на Боспоре в конце II века до н. э. В кн.: Античное общество. Л., 1967; он же. К дискуссии о восстании Савмака. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

²² Молев. Установление власти Митридата Евпатора..., с. 64; он же. Митридат Евпатор, с. 40, 42, 43, 47.

²³ Правда, археологические материалы говорят как будто о больших разрушениях, произошедших в Пантикапее в конце II в. до н. э., после чего город был значительно перестроен (*Блаватский. Северопонтийские города...*, с. 59 сл.). Но у нас нет достаточных оснований связывать эти разрушения со взятием города Диофантом, они могли быть и результатом междоусобной борьбы во время восстания Савмака или еще каких-нибудь событий этой бурной эпохи. Разрушение же подпорных стен и террас древнего города говорит скорее о действии стихийных сил, о землетрясении 63 г. до н. э. как о причине этих разрушений.

номной самоуправляющейся единицы²⁴. Об этом говорит и формулировка декрета в честь Диофанта, принятого от имени Совета и народного собрания херсонеситов. Равным образом и преамбула ольвийского постановления в честь амисского кибернета содержит указание на то, что оно принято Советом и народным собранием (*ἔδοξε βουλῆ καὶ τῷ δήμῳ*), свидетельствующее о сохранении полисных институтов и в Ольвии. В обоих документах упоминаются городские магистраты — архонты в ольвийском, симнамоны, секретарь, айсиметы и др. — в херсонесском. Имена городских магистратов встречаются, как увидим дальше, и на некоторых херсонесских монетах периода подчинения города Митридату. Вообще рассмотрение монетной чеканки конца II и первой трети I в. до н. э. всех северочерноморских городов дает возможность с гораздо большей полнотой судить об экономическом и политическом положении этих городов, чем анализ других источников. Особенно это относится к городам Боспора, взаимоотношения которых с Митридатом Евпатором совершенно не нашли отражения в письменных свидетельствах. Поэтому мы и начнем обзор монетного дела северочерноморских городов эпохи Митридата с монетных выпусков Боспора.

К моменту установления власти Митридата над Боспором там осуществлялась эмиссия только мелкого серебра и меди. Типологически разнообразная мелкая медная монета и редкие выпуски серебра чеканились главным образом от имени города Пантикапея²⁵. Кроме того, известны очень редкие серебряные драхмы и многочисленные мелкие монеты Фанагории²⁶, обращавшиеся главным образом в самой Фанагории и на рынках соседних городов азиатской части Боспора²⁷.

Переход Боспора под власть Митридата вызвал существенные изменения в монетном деле Боспорского царства. Но они проявились не сразу: в течение нескольких лет в самом конце II в. до н. э. на Боспоре продолжается чеканка монеты в традициях монетного дела еще спартакидовской эпохи — выпуск главным образом медных монет и незначительного количества мелкого серебра от имени Пантикапея.

Медная чеканка первых лет владычества Митридата на Боспоре представлена обильно выпускавшимися халками с изображением треножника на лицевой стороне и восьмилучевой звезды — на оборотной; между лучами звезды помещены буквы надписи Π—Α—Ν—Τ—Ι—Κ—Α—Π²⁸. А. Н. Зограф датировал выпуск этих монет первой четвертью I в. до н. э.²⁹, К. В. Голенко первоначально счел возможным сузить эту датировку до одного десятилетия: 90—80-е гг. до н. э.³⁰, но затем присоединился к высказанному мною мнению³¹ о необходимости датировать на-

²⁴ *Strabo*, VII, 4, 3. Д. П. Калистов (Этюды из истории Боспора в римский период. — ВДИ, 1938, № 2, с. 280 сл.) совершенно верно обратил внимание на то, что Диофант во время борьбы с Савмаком не требует поддержки от Херсонеса, а обращается к гражданам города с призывом оказать ему помощь, как к равноправным союзникам (*παράκαλεσας τοὺς πολίτας* — IOSPE, I², 352), что также свидетельствует о значительной автономии города, уже вошедшего в состав государства Митридата.

²⁵ Б.ХХI, 104, 105, 149; ХХII, 186, 1-а; III.VIII, 89—93; Б.ХIХ, 55—56; ХХ, 84, ХХI, 136—137; ХХII, 175—177; III.VIII, 100—103; *Шелов Д. В.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 162 сл., 169 сл.; *Голенко К. В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. — КСИИМК, 58, 1955, с. 131, сл.; *он же.* Две монеты Пантикапея II в. до н. э. — НЭ, V, 1965, с. 56 сл.

²⁶ Б.ХХIII, 6, 8—11, 22; Х.ИХ. 112—114; *Шелов.* Монетное дело Боспора, с. 173 сл.; *Голенко К. В.* К уточнению датировок одной группы монет Фанагории. — КСИИМК, 58, 1955, с. 139 сл.

²⁷ *Шелов Д. В.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э. — НЭ, V, 1965, с. 41.

²⁸ Б.ХХI, 130.

²⁹ *Зограф.* Античные монеты, с. 186 сл.

³⁰ *Голенко К. В.* Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках. — ПС, 11 (74), 1964, с. 63.

³¹ *Шелов.* Материалы ..., с. 44 сл.

чало выпуска этой мелкой меди еще концом II в. до н. э.³² По-видимому, к этому же времени относится и выпуск очень редких серебряных монеток Пантикапея с теми же типами, впервые изученных и опубликованных К. В. Голенко³³.

Но очень скоро, может быть, еще в последние годы II в. до н. э. или на рубеже II и I вв. в монетном деле Боспора проявляются новые тенденции, характерные для первой половины царствования Митридата VI. Вместо мелкой меди (или наряду с нею) начинают выпускаться медные монеты более крупных номиналов — тетраخالки и оболы, становящиеся затем основным средством местного денежного обращения. Прекращается также чеканка мелкого серебра. Наконец, эмиссия серебряной и медной монеты осуществляется не только от имени Пантикапея, но и от имени еще двух городов — Фанагории и Горгиипии.

Первая полноценная серия боспорских монет митридатовского времени включала в себя только один номинал серебряных монет — драхмы с изображением головы Диониса на аверсе и скачущего оленя и тирса на реверсе. Эти драхмы выпускались от имени Пантикапея и Горгиипии³⁴. Для чеканки пантикапейских драхм использовались в качестве заготовок серебряные драхмы Амиса конца II в. до н. э., горгиипийские драхмы следов перечекалки, как правило, не имеют³⁵. Одновременно с этими драхмами в обращение были пуценные медные монеты двух номиналов: оболы с типами: голова Посейдона — прора и тетраخالки с типами: голова Артемиды — лежащий олень³⁶. Оболы чеканились только от имени Пантикапея, а тетраخالки помечены названиями Пантикапея и Фанагории, причем выпуск тетраخالков от имени Фанагории был особенно интенсивным³⁷. В качестве младшего номинала в эту серию вошли, видимо, рассмотренные выше халки с изображениями треножника и звезды, выпуск которых начался, вероятно, несколько раньше чеканки остальных монет серии. К. В. Голенко датирует всю эту серию примерно 100—90 гг. до н. э.³⁸, но, может быть, выпуск монет этой серии был начат на несколько лет раньше, а чеканка халков — непосредственно сразу после установления власти Митридата VI над Боспором³⁹.

Вторая серия боспорских монет, относимая примерно к 90—80 гг. до н. э.⁴⁰, состояла из серебряных монет трех номиналов и двух номиналов меди. Старший номинал серебра — дидрахмы, они имеют на лицевой стороне изображения головы Диониса, а на обратной — плющевый венок, в нем название города, от имени которого выпущена монета⁴¹. На серебряных драхмах и триболах были помещены, соответственно, голова Артемиды и пасущийся олень, голова Диониса и тирс⁴². Медные монеты серии представлены оболлами и тетраخالками, от выпуска мелких номиналов меди боспорские монетарии отказались. На медных оболлах изображены: на одной стороне — голова бога Мена, на другой — стоящий Дионис с пантерой, на тетраخالках — голова Аполлона или Диониса, треножник и тирс⁴³. И серебряные и медные монеты этой серии

³² Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следгами перечекалки. — НЭ, VII, с. 41 сл.

³³ Там же, с. 40 сл.

³⁴ Б.ХХII, 150; ХХIII, 2.

³⁵ Голенко К. В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. — НЭ, II, 1960, с. 28 сл.

³⁶ Б.ХХII, 152; 170; ХХIII, 20—21.

³⁷ Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — НИС, 1; 1963, с. 7—8.

³⁸ Голенко. Из истории монетного дела..., с. 35.

³⁹ Шелов. Материалы..., с. 43.

⁴⁰ Голенко К. В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э. — ВДИ, 1965, № 4, с. 143 сл.

⁴¹ Б.ХХII, 180; ХХIII, 24; Голенко. Фанталовский клад..., с. 141 сл.

⁴² Б.ХХII, 168—169, 178; ХХIII, 1-в.

⁴³ Б.ХХI, 120; ХХII, 179; ХХIII, 12, 5, 6.

выпускались от имени трех городов — Пантикапея, Фанагории и Горгишии.

Уже этот беглый обзор боспорской монетной чеканки конца II и первых двух десятилетий I в. до н. э. позволяет сделать некоторые выводы о положении боспорских городов в это время. Прежде всего обращает на себя внимание резкое улучшение выпускаемой на Боспоре при Митридате монеты сравнительно с монетами последних Спартокидов. Вместо очень небрежно чеканенного мелкого серебра и столь же скверной мелкой меди, характерных для денежного обращения Боспора второй половины II в. до н. э., теперь регулярно выпускаются серебряные и медные монеты различных номиналов, но в основном более крупного достоинства, чем раньше. И по подбору номиналов, и по весовым данным, и по техническим и фактурным признакам, и по стилю боспорские монеты митридатского времени выгодно отличаются от деградировавших монет конца эпохи Спартокидов. И хотя изменения в боспорской чеканке раннемитридатского времени в значительной мере связаны с влиянием монетного дела Понта, все же невозможно сомневаться в том, что эти перемены в какой-то степени отражают укрепление государственного хозяйства; они оказались возможными лишь в условиях экономического процветания боспорских городов.

Должен быть отмечен и тот факт, что боспорская монета чеканится не от имени царя Митридата или его наместников на Боспоре, а по-прежнему от имени столицы государства Пантикапея и еще двух городов. Это может означать только то, что боспорские города формально сохранили статут полисов, одним из важнейших положений которого было право эмиссии монеты от имени городской общины. Более того, Фанагория и Горгишия практически впервые производят выпуск полноценной серебряной и медной монеты. Если учесть, что Горгишия при Спартокидах совсем не чеканила монеты⁴⁴, а Фанагория во II в. до н. э. эпизодически выпускала главным образом мельчайшую медь, придется признать значительное расширение прав городской автономной чеканки на Боспоре в первые десятилетия владычества Митридата Евпатора. Монеты, выдушенные от имени всех трех боспорских городов, имели равноправное хождение на всех боспорских рынках, о чем свидетельствуют как наличие их в одних и тех же кладах (например, в Фанталовском кладе 1963 г.), так и присутствие их в раскопочных материалах из разных боспорских городов. Преимущественно распространение монет какого-либо одного центра в каком-нибудь определенном районе (как было с фанагорийской медью II в. до н. э.) не наблюдается⁴⁵.

Зачем Митридату понадобилось предоставить права чеканки не только Пантикапею, но и Горгишии и Фанагории? Экономической потребности в этой мере не было, так как нужды боспорского денежного рынка могли быть вполне удовлетворены выпуском одной пантикапейской монеты, к которой добавлялось к тому же большое количество привозных монет из Понта, получивших хождение на боспорском рынке⁴⁶. Да и сама чеканка монеты от имени Фанагории и Горгишии в большинстве случаев была количественно весьма ограничена, она во много раз усту-

⁴⁴ Известна лишь одна горгишинская серебряная драхма, выдушенная в последнее десятилетие правления Спартокидов (З. XLII, 14; X. IX, 115), подлинность которой подвергается сомнению (Голенко К. В. Еще о монетах, приписываемых Савмаку. — ВДИ, 1963, № 3, с. 75, прим. 26; *он же*. Фанталовский клад..., с. 152, прим. 60). Независимо от решения вопроса о подлинности этой уникальной монеты, она, конечно, не может свидетельствовать о существовании развитой монетной чеканки Горгишии при Спартокидах.

⁴⁵ Шелов. Материалы..., с. 43 сл.

⁴⁶ Зограф. Находки поитийских монет..., с. 293 сл.; Голенко. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии...; *он же*. Поитийская монета времени Митридата VI на Боспоре. — Кlio, 46, 1965; *он же*. Состав денежного обращения..., с. 59; Шелов. Материалы..., с. 46—48; Кары ковский. Денежное обращение Оливии..., с. 64 сл.

пала по интенсивности чеканке пантикапейских монет и не могла иметь большого практического значения в общем балансе денежного обращения. Об этом говорит сравнение числа известных монет разных городов ⁴⁷. Следует полагать, что предоставление права чеканки трем крупнейшим боспорским городам было чисто политическим мероприятием, имевшим целью продемонстрировать благорасположение понтийского царя по отношению к греческим городам Боспора, уважение к их автономии ⁴⁸. Такое поведение вполне соответствовало общей политике Митридата VI, усиленно разыгрывавшего в этот период роль филэллина, покровителя и охранителя традиционных греческих свобод и прав, в том числе и автономии греческих городов ⁴⁹.

Однако монетная чеканка Боспора митридатовского времени только чисто внешне была автономной городской чеканкой. Реально выпуск всех боспорских монет находился всецело в руках царской администрации, а городские власти не имели к нему никакого отношения. Это видно прежде всего из полной унификации типологии монет, независимо от места их выпуска, при которой монеты, вышедшие от имени разных городов, имели совершенно одинаковую внешность и различались только надписью с обозначением городской общины. В самой монетной типологии резко преобладают сюжеты, не свойственные традициям монетного дела Боспора, но явно связанные с личностью Митридата Евпатора — изображения Диониса или его атрибутов (тирс, плющевый венок), бога Мена, пасущегося оленя; некоторые из этих типов прямо воспроизводят изображения понтийских монет ⁵⁰. Набор номиналов и метрологические данные свидетельствуют об ориентации всей этой чеканки в системно-весовом отношении на монетное дело Понта ⁵¹. Особенно показательны наличие на монетах разных центров и разных лет выпуска одних и тех же монограмм, ясно доказывающее, что практически вся чеканка находилась в руках какого-то одного представителя центральной власти, а не ежегодно сменявшихся городских магистратов, и едва ли не производилась на одном монетном дворе. Последнее обстоятельство было бесспорно доказано К. В. Голенко относительно серебряных дидрахов на основании наличия общих штемпелей ⁵², но и для остальных монет такая возможность вполне вероятна.

Таким образом, демонстративный и эфемерный характер всей этой боспорской квазиавтономной чеканки выявляется достаточно ярко. Он свидетельствует, с одной стороны, о реальном полном подчинении боспорского монетного дела центральной власти понтийского царя, а с другой, — о стремлении этой власти придать выпуску монеты видимость некоторой городской автономии и тем самым приобрести политические дивиденды у сторонников полисной автаркии.

Монетная чеканка Херсонеса периода подчинения города Митридату VI очень невелика. В. А. Анохин считает ⁵³ наиболее ранним выпуском херсонесских монет при Митридате серию медных монет, старший номинал которой имеет в качестве типов изображения головы Гелиоса и рога изобилия с пшанкой Диоскуров по сторонам ⁵⁴, а младший — изо-

⁴⁷ См., например, число дидрахов разных центров в Фанталовском кладе (Голенко. Фанталовский клад..., с. 141).

⁴⁸ Голенко. Из истории монетного дела..., с. 36; он же. Фанталовский клад..., с. 152 сл.

⁴⁹ *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890, p. 178, 225.

⁵⁰ Голенко. Фанталовский клад..., с. 142 сл.

⁵¹ Он же. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии..., с. 65; он же. Понтийская монета..., с. 314; он же. Фанталовский клад..., с. 150 сл.

⁵² Голенко. Из истории монетного дела..., с. 34 сл.; он же. Фанталовский клад..., с. 45 сл.

⁵³ Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977, с. 56 сл.

⁵⁴ Там же, табл. XII, 189.

бражения голов Диоскуров и проры⁵⁵. Эти монеты в своей типологии действительно обнаруживают понтийские или боспорские влияния, но все типологические аналогии, в том числе и приводимые самим В. А. Анохиным, заставляют датировать их не последним, а предпоследним десятилетием II в. до н. э., т. е. временем до установления прямой зависимости Херсонеса от Митридата. Особое место в истории монетного дела Херсонеса занимает серия монет, состоящая из двух номиналов серебра и одного номинала меди. Серебряные драхмы этой серии имеют на лицевой стороне изображение головы Девы в башенной короне, а на оборотной — стоящей лани; для гемидрахм соответствующие типы: голова Геракла — палица⁵⁶. Медные монеты повторяют типы драхм⁵⁷. Серебряные драхмы этой серии чеканились довольно обильно и очень спешно — большинство их представляют перечеканки на ранее выпущенном серебре. А. Л. Бертъе-Делагард относил эту серию ко времени владычества Митридата над Херсонесом, к 80-м гг. I в. до н. э.⁵⁸ Но ряд соображений заставляет отказаться от такой датировки и считать эту серию заключительным выпуском автономной монеты в Херсонесе⁵⁹. Кажется очень вероятным высказанное впервые А. Н. Зографом мнение о принадлежности этой чеканки тем годам, когда Диофант осуществлял в Крыму свои операции по защите Херсонеса от скифов⁶⁰. К. В. Голенко поддержал такую датировку и со своей стороны указал на совпадение продолжительности военных действий со сроком службы трех годичных магистратов, чьи имена представлены на драхмах рассматриваемой серии: Аполонида, Диотима и Мойрия⁶¹. Разница во взглядах обоих исследователей заключается лишь в том, что А. Н. Зограф видел в этой монетной серии первый выпуск митридатской эпохи, тогда как К. В. Голенко считал ее заключительным выпуском предшествующего периода⁶². Вторая точка зрения представляется более предпочтительной, так как вся эта чеканка не носит следов понтийского влияния и выдержана целиком в духе традиций херсонесского монетного дела эллинистической эпохи. Единственным элементом, связывающим рассматриваемые монеты с понтийской нумизматикой, может быть изображение башенной короны на голове Девы, заимствованное, возможно, с монет Амиса⁶³. Но придание Деве облика заступницы города, символом чего являлась башенная корона, было вполне объяснимо и правомерно в момент, когда Херсонес напрягал все силы для отпора скифской агрессии. Это обстоятельство может служить лишним косвенным доводом в пользу предположения А. Н. Зографа о совпадении времени выпуска драхм и походов Диофанта.

Иное впечатление производят выпущенные позднее драхмы с тинами: голова Девы в повязке — Дева, поражающая лань⁶⁴. Эти драхмы, помеченные именем магистрата Деметрия, были последним выпуском херсонесского серебра. Им соответствовали медные тетрагалки с тем же изображением головы Девы на лицевой стороне и с фигурой пасущейся

⁵⁵ Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. — ИС, II, 1913, с. 29, рис. 8.

⁵⁶ Б. XIV, 9, 10; Бертъе-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. — ЗООИД, XXVI, 1906, с. 252 сл., табл. I, 9, 10; II, 12—17.

⁵⁷ Б. XIV, 11, 12.

⁵⁸ Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет..., с. 257 сл.

⁵⁹ Голенко К. В. Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия. — СГМИИ, II, 1964, с. 45.

⁶⁰ Зограф. Античные монеты, с. 151.

⁶¹ Голенко. Херсонесские драхмы..., с. 45, прим. 1; он же. Состав денежного обращения..., с. 51, прим. 7.

⁶² Точка зрения В. А. Анохина на датировку этих монет неясна: противоречая сам себе, он то принимает датировку К. В. Голенко, то возражает против нее (Анохим. Монетное дело Херсонеса, с. 33 и 56).

⁶³ Голенко. Херсонесские драхмы..., с. 45, прим. 2.

⁶⁴ Б. XIV, 7.

лани на оборотной ⁶⁵. Сопоставление монет обеих этих категорий с понтийскими и боспорскими позволяет датировать всю эту чеканку примерно 90—80-ми гг. до н. э. ⁶⁶ Другие выпуски херсонесских монет периода подчинения города Митридату неизвестны. Правда, исследователи относили ко времени Митридата еще некоторые монетные выпуски, но вряд ли такая хронологическая атрибуция этих монетных серий может быть доказана. В отношении каждой из них имеются данные, заставляющие считать их более поздними, относящимися уже к середине I в. до н. э. ⁶⁷ Как и в городах Боспора, всякая автономная чеканка в Херсонесе после 80 г. до н. э., видимо, прекращается,¹ чтобы возобновиться только после гибели Митридата.

Херсонесские монеты митридатовского времени гораздо в большей степени, чем боспорские, сохраняют традиционные для монетного дела этого города типы: голова или фигура Девы, лань. Но в деталях изображений можно отметить влияние понтийской или боспорской чеканки. Так, явной данью митридатовской типологии является изображение лани не стоящей или бегущей, а пасущейся, с опущенной вниз головой. Голова Девы на лицевой стороне драхм и медных монет тоже имеет не традиционные черты, а явно скопирована с изображений головы Артемиды на монетах боспорских городов. Наконец, наличие стилизованного венка вокруг фигуры лани на реверсе некоторых медных херсонесских монет заставляет вспомнить аналогичный типологический мотив не только на одновременных памятниках боспорской нумизматики, но и на царских тетрадрахмах Митридата VI ⁶⁸.

Типологические заимствования не исчерпывают связей херсонесской чеканки с монетным делом Понта и Боспора. Прекращение всякой серебряной чеканки к 80 г. до н. э., постепенный переход от выпуска мелких номиналов меди к более крупным, принятым в денежном обращении Понта — тетрадрахмам, а затем к оболам — становятся характерными чертами и боспорского и херсонесского монетного дела I в. до н. э. Единными для понтийских, боспорских и херсонесских монет были и фактура плоских, плотных монетных кружков, и состав металла, и некоторые стилистические особенности изображений. Влияние понтийских и боспорских образцов на монетное дело Херсонеса проявляется во всем этом совершенно несомненно.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Серебряные драхмы последней херсонесской серии с именем Деметрия не носят на себе обозначения названия города, они выпущены как бы анонимно, хотя типы лицевой и оборотной сторон с несомненностью указывают на Херсонес как место выпуска, а имя магистрата Деметрия свидетельствует о том, что выпуск этот рассматривался как автономный городской. Подобное явление можно наблюдать во второй половине II в. до н. э. в Амисе, где выпускались серебряные драхмы традиционного типа с монограммами или именами магистратов, но без обозначения названия города ⁶⁹. К. В. Голенко, приводя эту аналогию, весьма логично усматривает и в том и в другом случае одну и ту же причину — осуществление монетной политики понтийских царей. Города Понта и Пафлагонии при Митрида-

⁶⁵ Б. XIV, 8.

⁶⁶ Зограф. Античные монеты, с. 152; Голенко. Херсонесские драхмы..., с. 46; он же. Состав денежного обращения..., с. 57; Анохин. Монетное дело Херсонеса, с. 57.

⁶⁷ Зограф. Античные монеты, с. 152; Голенко К. В. К датировке некоторых монет Херсонеса. — НЭ, III, 1962, с. 49 сл.; он же. Состав денежного обращения..., с. 57 сл.; он же. Херсонесские драхмы..., с. 48, 50; Анохин. Монетное дело Херсонеса, с. 58—60.

⁶⁸ Голенко. Херсонесские драхмы..., с. 48, 50; он же. Состав денежного обращения..., с. 53.

⁶⁹ Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. I, 1. P., 1925, p. 48.

те выпускали в большом количестве от своего имени полноценную медную монету ⁷⁰, но правом выпуска серебра и золота обладала только царская власть. Вероятно, в силу экономических соображений Митридат не возражал против чеканки в Херсонесе в какой-то момент (как до этого и в Амисе) собственного серебра, но имя города должно было исчезнуть с серебряных драхм, чтобы формально царская регалия не была нарушена ⁷¹. В. А. Анохин возражает против такого объяснения, ссылаясь на тот уже известный нам факт, что в боспорских городах в это время чеканилось городское серебро с полным обозначением городской общины — Παυλικαίων, Φαλαγγεσίων, Γογγυλλέων; своего толкования отсутствия на херсонесских драхмах названия города он не дает ⁷². Гипотеза К. В. Голенко кажется все же наиболее приемлемым объяснением этого интересного феномена; что же касается чеканки боспорских городов, то она была несомненно исключением из общих правил, действующих на территории всей Понтийской державы. Митридат VI почему-то считал нужным предоставить некоторым боспорским городам формальное право автономной чеканки серебра (мы видели уже, что право это было только формальностью), тогда как Херсонес мог выпускать под своим именем только медь. В этом несомненно отразилось какое-то различие в правовом положении Херсонеса и боспорских городов в системе государства Митридата, но для более точного определения этого различия у нас нет данных.

Ограниченность монетной чеканки Херсонеса в конце II и начале I в. до н. э. нельзя объяснять экономическим упадком города, как это иногда делается ⁷³. По-видимому, в Херсонесе, равно как и на Боспоре митридатского времени, напряженность собственной чеканки была согласована с интенсивностью завоза понтийской монеты, обращавшейся в Херсонесе наряду с местной. Монетные находки свидетельствуют о том, что медь городов Понта и Пафлагонии была основным средством денежного обращения в Херсонесе на всем протяжении владычества Митридата VI в Северном Причерноморье, хотя интенсивность ввоза этой меди в Херсонес и не была всегда постоянной ⁷⁴. Кроме того, в Херсонесе обращалась и боспорская монета, представленная в находках экземплярами разных выпусков ⁷⁵. Уже само количество завозимой в Херсонес иноземной монеты говорит против представления о глубоком экономическом упадке города.

Монетное дело Херсонеса конца II и начала I в. до н. э., как и нумизматика Боспора, достаточно ясно свидетельствует, с одной стороны, о том, что город сохранял в составе государства Митридата известную формальную автономию, засвидетельствованную выпуском городской монеты, а с другой, о подчиненном положении Херсонеса не только по отношению к Понтийской державе вообще, но и по отношению к митридатовскому наместнику на Боспоре. С этого времени Херсонес оказывается в тесной экономической и политической зависимости от боспорских властей, что вполне соответствует тем сведениям, которые сообщает Страбон ⁷⁶.

⁷⁰ *Imhoof-Blümer Fr. Die Kupferprägung des mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens.* — NZ, XLV, 1912.

⁷¹ *Голенко. Херсонесские драхмы...*, с. 47; *он же. Состав денежного обращения...*, с. 53.

⁷² *Анохин. Монетное дело Херсонеса*, с. 57.

⁷³ Например, *Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.* — ИС, 3, 1968, с. 37 сл.

⁷⁴ Там же, с. 19 сл., 36 сл.; *Голенко. Состав денежного обращения...*, с. 54 сл., 58 сл.; *Карышковский. Денежное обращение Ольвии...*, с. 65.

⁷⁵ *Гилевич. Ук. соч.*, с. 11, 15, 43; *Голенко. Состав денежного обращения...*, с. 56, 57, 62.

⁷⁶ *Strabo*, VII, 4, 3.

Нумизматическая ситуация в Ольвии для нас менее ясна главным образом из-за ненадежности хронологической атрибуции ольвийских монет. Чеканка этого города в период подчинения его Митридату Евпатору была, видимо, очень невелика. Некоторые ольвийские монеты, присписывавшиеся раньше эпохе Митридата ⁷⁷, были затем совершенно справедливо передатированы и отнесены к гораздо более раннему времени ⁷⁸. Периодом правления Митридата в Северном Причерноморье могут быть твердо датированы небольшие медные ольвийские монеты, на лицевой стороне которых изображена голова Афины в шлеме, а на оборотной — щит и копье ⁷⁹. Сравнение этих монет с понтийской медью, с которой заимствован их лицевой тип, позволило П. О. Карышковскому датировать их первым или вторым десятилетием I в. до н. э., несколько позже он счел возможным сузить эту датировку до 105—95 гг. до н. э.⁸⁰ Ко времени Митридата Евпатора относится и выпуск небольших медных монет двух разновидностей: на одной представлены голова Аполлона, горит (или кифара) и звезды Диоскуров ⁸¹, на другой — треножник и дельфин между шапками Диоскуров ⁸². П. О. Карышковский в одной из своих статей датировал эти монеты 80-ми или 70-ми годами I в. до н. э., а в другой — вторым десятилетием I в. до н. э.⁸³ Представляется, однако, вероятной несколько более ранняя датировка — самый конец II или первое десятилетие I в. до н. э., поскольку звездоносные шапки Диоскуров были характерным типологическим сюжетом именно в раннемитридатовское время.

Последним десятилетием жизни Митридата, 73—63 гг., П. О. Карышковский датирует целую серию ольвийской меди, содержащую монеты пяти номиналов, каждый из которых отмечен изображением головы определенного божества и присущего ему атрибута ⁸⁴. Однако хронологическое определение этой серии вызывает серьезные сомнения. Ряд иконографических и технических признаков указывает как будто бы на более позднюю датировку. А. Н. Зограф относил эти монеты к концу I в. до н. э.⁸⁵, но против такой даты также имеются возражения, в частности выдвинутые П. О. Карышковским. Наиболее вероятным кажется отнесение этой серии к послемитридатовскому времени, к годам, непосредственно предшествующим гетскому разорению Ольвии. Сложнее обстоит дело с датировкой еще одной серии медных ольвийских монет, состоящей из монет двух номиналов с типами головы Аполлона и кифары или кифары и звезды ⁸⁶. Особенность этих монет — отсутствие на них обозначения города Ольвии, выпустившего их. Поскольку монеты старшего номинала бывают перечеканены на понтийских тетрахаалках поздней митридатовской серии VII, датируемой 80—70-ми гг. до н. э., можно было бы думать, что они выпускались уже в послемитридатовское время, в краткий период между гибелью Митридата и разгромом Ольвии гетами, т. е. то-

⁷⁷ Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, I, 1921, с. 234 сл.; Зограф. Античные монеты, с. 133.

⁷⁸ Парович М. Б. Про датувания ольвийських монет із зображенням голови Тіхі.— Археологія, XI, 1957, с. 157 сл.; Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма.— МАСП, IV, 1962, с. 87 сл.

⁷⁹ Б. VI, 147; Pick В. Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, I, 1. В., 1898, Taf. X, 37.

⁸⁰ Карышковский. Из истории монетного дела Ольвии..., с. 99 сл.; он же. Денежное обращение Ольвии..., с. 68, 73.

⁸¹ Б. V, 89; Pick. Op. cit., Taf. X, 30.

⁸² Б. VI, 100, 104; Pick. Op. cit., Taf. X, 31.

⁸³ Карышковский. Из истории монетного дела Ольвии..., с. 103; он же. Денежное обращение Ольвии..., с. 68 сл.

⁸⁴ Б. IV, 50—54; VI, 105—106, 116; VII, 150, 151; Pick. Op. cit., Taf. X., 33—36; XI, 3; Карышковский. Из истории монетного дела Ольвии..., с. 100—102; он же. Денежное обращение Ольвии..., с. 69 сл.

⁸⁵ Зограф. Античные монеты, с. 139 сл.

⁸⁶ Б. V, 85, 98; Blaraberg I. Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. P., 1822, pl. XVII, 164, 168.

гда же, когда и упомянутая серия из пяти номиналов⁸⁷. Но П. О. Карышковский правильно заметил, что в таком случае у ольвиополитов не было бы никаких причин выпускать анепиграфные монеты без указания названия города. Анонимность рассматриваемых монет он объясняет ограничениями городской чеканки, введенными Митридатом, а сами монеты датирует последними годами правления понтийского царя, 67—63 гг. до н. э.⁸⁸ Рассуждения П. О. Карышковского представляются довольно убедительными, но предложенная им датировка анепиграфных ольвийских монет подразумевает подчинение Ольвии Митридату до самой его гибели. Мы уже говорили о том, что такое подчинение маловероятно после 70-х гг. до н. э. Поэтому если уж датировать эмиссию этих монет временем Митридата Евпатора, то нужно скорее относить ее также к 70-м годам I в. до н. э., когда были выпущены и понтийские тетрахаалки, послужившие материалом для перечеканки.

Как бы то ни было, монетное дело Ольвии времени Митридата Евпатора демонстрирует те же явления, что и чеканка Боспора и Херсонеса, — внешнее соблюдение права ограниченной автономной чеканки при реальном подчинении этой чеканки власти понтийского царя или его наместников и заметном воздействии на монетное дело понтийского денежного обращения. То же можно наблюдать и в Тире, где в митридатовское время выпускается медная монета, отражающая в своей типологии понтийское влияние. Это монеты с изображением орла, сидящего на молнии⁸⁹, явно скопированном с понтийской и пафлагонской городской меди 111—105 гг. до н. э.⁹⁰, монеты с изображением головы юного Диониса и его атрибутов — тирса, виноградной грозди⁹¹ и, наконец, монеты, несущие на лицевой стороне изображение бородатого божества, имеющего на висках клешни рака⁹². Последний образ, скорее всего, представляет собой персонификацию Понта Евксинского⁹³, и его появление на тиритских монетах должно рассматриваться как отражение тех общепонтийских объединительных тенденций, которые столь настойчиво проводил в жизнь Митридат Евпатор⁹⁴. Все эти нумизматические памятники Тиря относятся к последним годам II в. и к первым двум десятилетиям I в. до н. э., ко времени, когда мы можем предполагать подчинение Тиря власти понтийского царя⁹⁵.

Нумизматические материалы показывают, что на рубеже 80-х и 70-х годов I в. до н. э. в положении северочерноморских городов происходят заметные изменения. Около 80 г. на Боспоре полностью прекращается всякая эмиссия монеты от имени городов и в дальнейшем производится выпуск только медных оболов с изображением головы Диониса на одной стороне и скифского горита на другой и без обозначения места чеканки⁹⁶. Есть все основания считать эти так называемые анонимные облолы чеканкой митридатовского наместника на Боспоре Махара⁹⁷. На оболых фигурируют монограммы, в которых видят обычно обозначение имен ответственных за чеканку лиц, но неизвестно, были ли это чиновники митри-

⁸⁷ Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора. — ВДИ, 1978, № 1, с. 67 сл.

⁸⁸ Карышковский. Денежное обращение Ольвии..., с. 71 сл.

⁸⁹ Зограф. Монеты Тиря, табл. III, 17.

⁹⁰ *Ithoof-Blümer. Die Kupferprägung...*, Taf. II, 24 ff.; *Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 447.*

⁹¹ Зограф. Монеты Тиря, табл. III, 4—6.

⁹² Там же, табл. III, 8, 9.

⁹³ Там же, с. 48.

⁹⁴ Шелов. Тира и Митридат Евпатор, с. 100.

⁹⁵ Там же, с. 101.

⁹⁶ Б. XXIII, 25—30.

⁹⁷ Орешников А. В. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. VII. М., 1887, с. 60; Крушкoл Ю. С. Монеты с монограммами из Патрейского клада 1950 г. — ВДИ, 1952, № 3, с. 138 сл.; она же. Патрейский клад 1950 г. — КСИИМК, 66, 1956, с. 116; Голенко К. В. О характере чекана боспорских анонимных оболов. — НИС, 2, 1965, с. 41 сл.; Шелов. Махар, правитель Боспора, с. 63—65.

датовской администрации или городские монетные магистраты. Так или иначе, но совершенно несомненно, что боспорские города потеряли формальное право выпуска автономной городской монеты, и вся монетная регалия была сосредоточена в руках боспорского правителя Махара, сына Митридата VI, что безусловно отражало если не изменение общего статуса этих городов в государстве, то во всяком случае перемены в отношении к ним центральной власти.

К. В. Голенко полагал, что некоторое ущемление автономии боспорских городов, выразившееся в лишении их права самостоятельной чеканки, явилось карой за участие этих городов в антимитридатовском движении 80-х годов⁹⁸. Он исходил при этом из того распространенного в литературе мнения, что попытка Боспора отложиться от Митридата, которая имела место, по-видимому, в конце первой войны Митридата с Римом и о которой упоминает Аппиан⁹⁹, была проявлением недовольства прежде всего боспорских городов, страдавших из непомерных поборов и от упадка понтийской торговли в результате военной деятельности Митридата¹⁰⁰. Нам уже приходилось говорить о необоснованности всего этого построения. Источники ничего не сообщают о том, что именно греческие города были центрами сепаратистского движения на Боспоре, наоборот, некоторые косвенные данные позволяют думать, что Митридату пришлось преодолевать сопротивление каких-то местных варварских племен. Что же касается боспорских городов, то у них в конце 80-х годов не было никаких оснований для антимитридатовских выступлений¹⁰¹. Таким образом, лишение боспорских городов права автономной чеканки вряд ли могло быть реакцией на предполагаемую антипонтийскую деятельность этих городов. Скорее следует думать, что оно явилось следствием изменения общего отношения к правам греческих городов понтийского царя, который к этому времени перестал разыгрывать роль покровителя эллинских свобод и не стремился больше демонстрировать свое благорасположение греческим городам.

Такой вывод напрашивается и из того факта, что право автономной чеканки одновременно с городами Боспора утеряли и Херсонес и Ольвия, очевидно в антипонтийском движении на Боспоре не участвовавшие. В Херсонесе, как мы видели, всякая чеканка прекращается около 80 г., в Ольвии на протяжении 70-х годов, может быть, и выпускалась медная монета (серия монет с изображениями головы Аполлона, кифары и звезды), но без обозначения на ней названия города. Видимо, новая политика митридатовских властей в равной степени относилась во всем северо-понтийским городам, независимо от предполагаемого участия некоторых из них в боспорском антипонтийском движении. Если исходить только из нумизматических фактов можно было бы подумать, что города Северного Причерноморья на рубеже 80-х и 70-х годов I в. до н. э. вообще потеряли всякие остатки полисной автономии и были полностью интегрированы в состав понтийских царских земель. Однако у нас имеется прямое свидетельство о том, что дело обстояло иначе. Мемнон рассказывает, что во время осады Гераклеи Понтийской римским полководцем Марком Аврелием Коттой (72—70 гг. до н. э.) жители города отправили послов к херсонесцам, феодосийцам и владыкам Боспора с просьбой о союзе

⁹⁸ Голенко. О характере чекана..., с. 47, 49.

⁹⁹ App., Mithr. 67.

¹⁰⁰ Гайдукевич. Боспорское царство, с. 305; он же. История античных городов Северного Причерноморья.— АГСП, 1955, с. 124; Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. В., 1971, S. 318; Калистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, с. 145; Оксенюк Р. Н. Роль Северного Причерноморья в борьбе Понта с Римом. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Воронеж, 1953, с. 12 сл.; Кастанаян Е. Г. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора.— ПИСП, 1959, с. 210; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 21; Голенко. О характере чекана..., с. 47; Гилевич. Ук. соч., с. 37, и др.

¹⁰¹ Шелов. Махар, правитель Боспора, с. 56—58.

(или о помощи — ὄπερ συμμαχίας); посольство увенчалось успехом¹⁰². Обращение гераклеотов за помощью в Херсонес и Феодосию понятно: именно с этими городами у Гераклеи Понтийской были давние традиционные связи¹⁰³. Но прямое посольство к ним, помимо обращения к владыкам Боспора (τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας), под которыми может пониматься только митридатовский наместник на Боспоре Махар, свидетельствует о некоторой самостоятельности этих городов даже во внешних делах. Во всяком случае гераклеоты полагали (и, судя по успеху посольства, справедливо), что эти города имели возможность оказывать Гераклею помощь независимо от решений и мероприятий боспорского правителя. Употребление Мемноном наречия «вновь» (πάλιν) показывает, что посольство это не было первым и гераклеотам и ранее приходилось обращаться за помощью к северочерноморским городам. По крайней мере можно с большой долей вероятности утверждать, что херсонесцы были в числе тех гераклейских «переселенцев», к которым жители Гераклеи посылали за продовольственной помощью еще в самом начале осады города Коттой (πρὸς βεία πρὸς τοὺς ἀποίκους ἐξέπεμπετο)¹⁰⁴.

Упоминаемые Мемноном события свидетельствуют не только о существовании некоторой автономии северочерноморских городов, но и о том, что эти города в конце 70-х годов I в. до н. э. продолжали оставаться верными делу Митридата Евпатора и оказывали поддержку упорно сопротивлявшейся римлянам Гераклею. О положении и позиции северопонтийских городов в последующие пять лет мы ничего не знаем. Высказанное выше мнение о том, что города Северо-Западного Причерноморья должны были в 71—70 гг. до н. э. выйти из подчинения Митридату, основывается больше на логических рассуждениях, чем на фактических данных. Херсонес и города Боспора оставались под властью Махара, изменившего своему отцу, но не решившегося объявить себя независимым правителем Боспора¹⁰⁵. Вероятно, города не играли в это время самостоятельной роли, по крайней мере ни в одном из них после отпадения Махара не была возобновлена автономная монетная чеканка. Аппиан, рассказывая о событиях, происходивших на Боспоре в 63 г., называет боспорские города (он их именует укреплениями — φρούρια), «недавно захваченными» Митридатов (ἀρτιλήπτα τῷ Μιθριδάτῃ γενόμενα)¹⁰⁶. Это свидетельствует, быть может, о том, что Митридату пришлось применить военную силу, вновь подчинив себе города, находившиеся во владениях мятежного Махара, но ничего не говорит о позиции самих городов и о том, оказали ли они какое-либо сопротивление возвращению под власть Митридата.

Можно предположить, что Махар, переходя на сторону противников своего отца, преследовал личные корыстные цели и что этот переход был лишь одной из многих измен сподвижников и родственников понтийского царя¹⁰⁷. Но для северопонтийских городов эта измена не могла быть безразличной. В свое время включение этих городов в состав Понтийской державы Митридата отвечало, видимо, их интересам не только в том отношении, что гарантировало им защиту от посягательств соседних варварских племен, но и потому, что облегчало развитие торговли и способствовало их экономическому процветанию¹⁰⁸. Вероятно, причерноморские города должны были потерпеть некоторый ущерб от сокращения торговых операций с центрами Эгейского бассейна, от затруднений, вызванных римско-понтийскими войнами и враждебным отношением римлян, чей флот имел преобладание в Эгейском море. Но этот ущерб несомненно мог

¹⁰² Метн., 49.

¹⁰³ Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды.— ВДИ, 1950, № 3, с. 177.

¹⁰⁴ Метн., 47.

¹⁰⁵ Шелов. Махар, правитель Боспора, с. 58 сл., 70.

¹⁰⁶ App., Mithr. 108; ср. 107.

¹⁰⁷ Шелов. Махар, правитель Боспора, с. 69 сл.

¹⁰⁸ Молев. Митридат Евпатор, с. 57.

быть легко компенсирован усилением внутрипонтийских связей, для возрастания и укрепления которых решающее значение имело политическое объединение всех понтийских берегов под властью Митридата. Так было до тех пор, пока митридатовский флот господствовал в Черном море, а большие торговые города северного побережья Малой Азии — Гераклея, Синопа, Амис, главные торговые контрагенты северопонтийских греков — находились в руках царя. Такое положение существовало до самого конца 70-х годов и до этого момента северочерноморские города вряд ли могли испытывать значительные затруднения в области морской торговли. Все изменилось в 71—70 гг. до н. э. Занятие римлянами Амиса, а затем Синопы лишило Митридата его главных морских баз и предопределило господство римского флота в Черном море¹⁰⁹. При создавшейся ситуации дальнейшее сохранение верности делу Митридата Евпатора грозило черноморским городам полным расстройством торговли. Поэтому, в частности, можно предполагать, что Ольвия и Тира вышли примерно к этому времени из подчинения понтийскому царю. Что касается городов Боспора и Херсонеса, то переход Махара на сторону римлян открывал для них возможность сохранить в новых условиях свои торговые позиции в Причерноморье. Д. П. Калистов предполагал даже, что Херсонес и города Боспора активно поддерживали Махара в его антимитридатовских действиях и что оппозиция Митридату со стороны городов возникла задолго до того, как римляне блокировали Черноморское побережье¹¹⁰. Однако для таких предположений у нас нет достаточных оснований. Они базируются лишь на толковании уже упоминавшегося выражения Аппиана о захвате боспорских городов Митридатом и на ошибочном понимании фразы того же Аппиана о бегстве Махара *ἐς τὴν ἐν τῷ Πόντῳ χερρόνησον*¹¹¹. Д. П. Калистов считал, что Махар бежал в Херсонес Таврический, как в наиболее греческий город, наиболее далекий от варваров и потому наиболее антимитридатовски настроенный¹¹². Есть основания, однако, полагать, что речь здесь идет о бегстве не в Херсонес, а на Керченский полуостров (с Азиатского Боспора), и привлекать этот эпизод для характеристики позиции северочерноморских городов нельзя¹¹³.

Таким образом, реакция северочерноморских городов на переход Махара на сторону римлян нам совершенно неизвестна. Но можно думать, что их вполне устраивало то положение, которое создалось в Причерноморье после измены Махара и которое должно было обеспечить по меньшей мере нейтралитет римского флота в Черном море по отношению к торговым интересам припонтийских городов.

Ситуация вновь резко изменилась в 65 г. до н. э., когда Митридат, разгромленный римлянами в Малой Азии, прибыл на Боспор, устранил Махара и сделал Северное Причерноморье последней базой своей борьбы против Рима. Не сумев воспрепятствовать уходу Митридата на Боспор и не имея возможности преследовать его по сухому пути через Кавказ, Помпей применяет другой способ борьбы — осуществляет жестокую морскую блокаду владений, оставшихся в руках царя, назначив смертную казнь для владельцев или капитанов купеческих кораблей за попытку прорваться на Боспор¹¹⁴. Эта мера, которая несомненно должна была вызвать паралич морской торговли на северном побережье Черного моря, была губительна прежде всего для экономического развития северочерноморских городов. Очень возможно, что Помпей сознательно стремился

¹⁰⁹ Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, с. 275.

¹¹⁰ Калистов. Этюды из истории Боспора..., с. 282 сл.

¹¹¹ App., Mithr. 102.

¹¹² Калистов. Этюды из истории Боспора..., с. 282. Ср. Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. — УЗМГПИ, XXVIII, 1, 1940, с. 29; Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, с. 39.

¹¹³ Шелов. Махар, правитель Боспора, с. 71.

¹¹⁴ Plut., Pomp. 34—36, 38—39; ср. Dio Cass., XXXVI, 54 — XXXVII, 4.

таким образом вызвать недовольство боспорских городов, остававшихся еще лояльными или покорными Митридату. Расчет оказался правильным. Вероятно, именно расстройство морской торговли было тем основным фактором, который предопределил переход северочерноморских городов на сторону противников понтийского царя.

Но существовали и другие причины для роста антимиитридатовских настроений в городах Боспора. И укрепление связей Митридата со значащими окружающими варварскими племенами, на которую пытался опереться теперь понтийский царь¹¹⁶, и перспектива затягивания отчаянной и безнадежной войны против римлян¹¹⁶, и резкое увеличение поборов с населения, вызванное усиленными военными приготовлениями и обостренное злоупотреблениями царских чиновников, и набор в царскую армию рабов¹¹⁷ — все это должно было болезненно восприниматься не только господствующими торговыми слоями, но и всем свободным населением северочерноморских городов. И результаты не замедлили сказаться. Когда в Фанагории в 63 г. до н. э. вспыхнуло восстание против власти Митридата, оно было подхвачено другими северочерноморскими городами.

Об этих событиях рассказывает Аппиан: «Он [Митридат] отправил часть войска в Фанагорию, другой эмпорий при устье, чтобы обладать проходом с обеих сторон, пока Помпей был еще в Сирии. Но фанагориец Кастор, когда-то оскорбленный царским евнухом Трифоном, напал на входившего Трифона, убил его и призвал граждан к свободе. И они, хотя акрополь уже находился в руках Артаферна и других сыновей Митридата, обложили крепость деревьями и подожгли, покуда Артаферн и Дарий и Ксеркс и Оксатр и Евпатра, дети Митридата, напуганные огнем, не сдались и не были уведены в плен. Из них только Артаферну было около сорока лет, остальные были красивыми детьми. Клеопатра же, другая дочь Митридата, продолжала сопротивляться, и ее отец, восхищенный ее мужеством, послав много бирем, вызволил ее. И все, сколько их было поблизости, крепости, недавно занятые Митридатом, Херсонес и Феодосия и Нимфей и все другие, сколько их было у Понта, удобных для обороны, отпали от него, следуя смелому примеру фанагорийцев»¹¹⁸.

Из этого отрывка следует, прежде всего, что Митридат в 63 г. до н. э. послал какие-то войска в Фанагорию, «...чтобы обладать проходом (т. е. Керченским проливом) с обеих сторон» (ὡς ἐκατέρωθεν ἔξων τὰς ἐσβολάς). Вряд ли можно понимать это в том смысле, что до этого времени Фанагория находилась вне владений Митридата. Понтийский царь еще в 65 г. подчинил себе азиатскую сторону Боспора, откуда он организовал преследование бежавшего на Керченский полуостров Махара. Вероятно, у Аппиана речь идет об отправке в Фанагорию какого-то дополнительного контингента к уже имевшемуся там гарнизону. На такое понимание наталкивает и сам текст Аппиана. Ведь Кастор убил царского евнуха Трифона в тот момент, когда последний вступал в город в составе (или, скорее, во главе) прибывших войск (τὸν Τρύφωνα ἐσιόντα κτείνει προσπεσόν). А фанагорийская цитадель была уже занята понтийским гарнизоном, возглавляемым Артаферном. Скорее всего этот гарнизон и находился в Фанагории до прибытия нового отряда.

Вся история выглядит в рассказе Аппиана как случайный эпизод, вызванный личной враждой фанагорийца Кастора к Трифону. Непосредственный повод к восстанию мог, конечно, быть и таким — убийство царского приближенного гражданином Фанагории¹¹⁹. Но причины собы-

¹¹⁶ App., Mithr. 101, 102; *Калистов*. Этюды из истории Боспора, с. 281 сл.

¹¹⁶ App., Mithr. 101, 102; *Flor.*, I, 40, 25; *Dio Cass.*, XXXVII, 11; *Максимова*. Ук. соч., с. 284.

¹¹⁷ App., Mithr. 107.

¹¹⁸ App., Mithr. 108.

¹¹⁹ Излагая эти же события и следуя, вероятно, Титу Ливию, Павел Оросий называет Кастора военачальником Митридата в Фанагории (*Oros.*, VI, 5, 2). Хотя измена митридатовского полководца своему царю в этот период вполне возможна, все же вер-

тий, разумеется, должны были быть гораздо глубже, об этом свидетельствуют и воззвание Кастора к населению города о возвращении свободы (τὸ πλῆθος ἐς ἐλευθερίαν συνεκάλεσι), и тот дружный отклик, который получило у граждан это воззвание, и тот факт, что другие города последовали примеру фанагорийцев. Видимо, антимиридатовские настроения в городе были уже очень сильны и достаточно было лишь случайного повода, чтобы произошел взрыв. Может быть, имея в виду эти настроения, Митридат и вынужден был послать в Фанагорию дополнительные воинские силы.

Фанагорийские события 63 г. до н. э., возможно, нашли отражение в некоторых археологических реалиях. Имеется в виду открытие в Фанагории остатков оборонительной стены, принадлежавшей, по-видимому, фанагорийской цитадели, сооруженной в III в. до н. э. и разрушенной в I в. до н. э.¹²⁰ Вполне возможно, что разрушение этой стены, связанное с пожаром, явилось результатом военных действий, которые вели восставшие горожане против засевших в цитадели сторонников Митридата, хотя это разрушение может быть связано и с несколько более поздним выступлением Фарнака против Фанагории¹²¹. С событиями 63 г. до н. э. связывает В. Д. Блаватский находку в северной части городища каменного ядра, которое, по его мнению, могло быть выпущено по восставшим защитниками фанагорийского акрополя¹²².

Фанагорийское восстание получило немедленный отклик в других греческих городах Северного Причерноморья. Аппиан называет среди городов, отложившихся от Митридата, Херсонес, Феодосию и Нимфей, т. е. все крупнейшие города Крыма за исключением Пантикапея, резиденции самого Митридата. Видимо, горючего материала в этих городах накопилось достаточно, и для открытого выступления городов против власти Митридата нужен был только внешний толчок, каким и явилось восстание в Фанагории. Вероятно, события развивались довольно быстро, так как Митридат не смог направить против мятежной Фанагории новые значительные силы, а ограничился лишь тем, что спас свою дочь. Вскоре вслед за этим произошли измена Фарнака и мятежи в армии Митридата. Вряд ли будет большой натяжкой предположить, что восстание беспорядочных городов подтолкнуло Фарнака и последовавшие за ним войска на выступление против Митридата. Как в свое время захват римлянами торговых городов южного побережья Черноморья в очень значительной степени способствовал окончательному поражению Митридата в Малой Азии¹²³, так теперь переход северочерноморских городов в лагерь противников понтийского царя явился роковым для Митридата событием, предопределившим провал всех его дальнейших планов и в конечном счете его собственную гибель. Но было здесь и коренное отличие в положении, совершенно правильно отмеченное М. И. Максимовой. Торгово-ремесленная верхушка Синопы и Амиса оставалась до конца верной Митридату, и утрата понтийских торговых городов была следствием военного поражения царя и его сторонников из числа купцов и владельцев эргастериев. На Боспоре же, судя по анализу сложившейся обстановки, именно торговые слои городского населения оказались, в силу указанных выше

сия Аппиана представляется более вероятной. Версию Оросия принимает Н. И. Новосадский, считающий Кастора «бывшим комендантом» города (*Новосадский Н. И.* Последние годы борьбы Митридата с Римом. — ТСАРАНИОН, IV, 1929, с. 352). Впрочем, вопрос о том, кем был Кастор, не так уж и важен. Был ли он фанагорийским гражданином или греческим (судя по имени) офицером в гарнизоне Фанагории, он обращается с призывом к восстанию к жителям города, очевидно, зная об антимиридатовских настроениях этих жителей.

¹²⁰ *Кобылина М. М.* Фанагория. — МИА, № 57, 1956, с. 25, рис. 6.

¹²¹ *Цветашва Г. А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 235 сл.

¹²² *Блаватский В. Д.* Каменное ядро из Фанагории. — КСИМК, XXXIX, 1951, с. 135 сл.

¹²³ *Максимова.* Ук. соч., с. 275 сл.

причин, застрельщиками антимиридатовского движения¹²⁴. И все же нельзя рассматривать (как делает это М. И. Максимова вслед за Н. И. Новосадским) восстание боспорских городов в качестве некоего «дворцового переворота». Рассказ Аппиана ясно свидетельствует о том, что в восстание были вовлечены широкие массы горожан. Отчаянные усилия Митридата продолжить бесперспективную и уже безнадежно проигранную борьбу с Римом тяжело отражались на всех слоях боспорского населения, включая и «самых несостоятельных», как говорит Аппиан (Mithr. 107). И естественным следствием такого положения вещей стало восстание боспорских городов и антимиридатовское выступление царской армии, приведшие в конечном итоге к краху и гибели великого понтийского царя.

---

¹²⁴ Там же, с. 283—285.